

Каменные курганы второй половины I тысячелетия н.э. выделяются с большим трудом, поскольку в это время господствовал обряд кремации умерших, захоронения были безинвентарными и безурновыми. Каменные курганы с трупосожжениями конца I и начала II тысячелетия н.э. хорошо известны по раскопкам С. А. Дубинского. По своему строению они повторяют более ранние, но, кажется, меньше по размерам. Все они имеют покров из камней, уложенных в один-два яруса, и содержат по одному-два захоронению. Помещались они и среди камней, и в основаниях курганов, и в небольших грунтовых ямках. Погребения, по-прежнему, безинвентарны, в единичных встречаются слитки стекла или бронзы.

В течение XI—XII вв. обряд кремации уступает место обряду трупоположения. Многие каменные курганы с ингумациями расположены в тех же могильниках, что и насыпи с трупосожжениями. Захоронения по обряду трупоположения помещались на горизонте или в грунтовых ямах. При некоторых трупоположениях имеется погребальный инвентарь, принадлежащий в основном к древнерусской культуре. Последнее и ориентировка погребенных говорят о значительности славянизации местного населения Брестского Побужья.

Определить название ятвяжского племени, проживавшего между верхним Наревом и Бугом, трудно. Древнерусские летописи знают ятвяжские племена злинцев, крисменцев и покенцев. В рассматриваемом регионе несомненно проживали злинцы. Этот этноним произведен от гидронима Слина (Злина), реки, впадающей в Нарев слева. Но можно ли распространять этот этноним на весь регион между верхним Наревом и Бугом — сказать нельзя.

А. М. МЕДВЕДЕВ

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЯТВЯГОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОЛИТОВСКИХ КУРГАНОВ

1. Юго-восточная часть современной Литвы и соседние районы Белоруссии в V—XII вв. принадлежат культуре во-

сточнолитовских курганов. Ареал ее занимает обширную территорию: на севере граница проходит по р. Швянтой; на востоке достигает оз. Свирь, включая часть бассейна р. Вилии; на юге рубеж проходит по р. Меркис и верховьям р. Неман; на западе — по среднему течению Немана и по р. Швянтой. На этой территории формируется литовская народность, Литва, известная по письменным источникам.

2. В историографии существует ряд мнений по проблеме происхождения рассматриваемой культуры. Одни авторы (Ф.Д. Гуревич, В. В. Седов) связывают ее появление с влияниями из северной и центральной Литвы, причем В. В. Седов указывает на участие в этом процессе и населения культуры штрихованной керамики, что выразилось в появлении обряда трупосожжения в V в. О миграциях из северной и центральной Литвы пишет и М. Михельбертас. Другие исследователи (Р. Волкайте-Куликаускене, А. Таутавичюс) связывают появление восточнолитовских курганов с развитием культуры штрихованной керамики. А. Таутавичюс, кроме связей с центральной и северной Литвой в IV—V вв. н.э. отмечает элементы, которые говорят о влиянии с юго-запада, с территории ятвягов. В последнее время появился ряд монографий, посвященных вопросам развития западнобалтской культуре (Е. Окулич, Я. Ясканис). В этой связи представляется важным заново провести сравнительный анализ погребальной обрядности и инвентарей восточнолитовских курганов IV—VIII вв. с курганами II—V вв. северной и центральной Литвы с одной стороны, и курганами III—VI вв. Сувалкии — с другой.

3. В культуре восточнолитовских курганов по погребальному обряду выделяются две хронологические группы.

Курганы IV—V/VI вв. насыпаны из песка, обложены у основания каменным венцом, иногда имеют и второй венец в насыпи. В некоторых случаях камни встречаются на поверхности насыпи (Меженис, кург. 1—4, 6; кург. 3), в кург. 1 Антесоре над погребением была обнаружена груда камней. Погребения (обычно 1—2, редко 3—4 в кургане) совершались по обряду трупоположения в ямах и редко на уровне горизонта (Антесоре, кург. 2,5). Мужские захоронения ориентированы головой на запад, иногда северо-запад, женские — на восток. Каменные конструкции встречаются редко (Антесоре; кург. 1; следы — Меженис, кург. 2,6). Интересным является наличие слоя черной земли с угольками на уровне горизонта, что характерно для более поздних погребений с трупосожжениями.

В V в. происходит смена обрядности — распространяет-

ся обряд кремации умерших. Правда, на восточной окраине ареала восточнолитовских курганов обряд трупоположения бытовал и в V—VI вв. (Таурапилис). По внешнему виду курганы с трупосожжениями не отличаются от ранних курганов. На уровне горизонта у них имелась прослойка черной земли с угольками (Черная Лужа, Няравай-Григишкес и др.), некоторые насыпи имели по две прослойки. Покойники вместе с инвентарем сжигались на стороне, иногда в погребении найдены остатки костра. Погребения как ямные, так и на уровне горизонта (от 1 до 5 в кургане). В ямных погребениях встречаются каменные конструкции в виде каменного ящика, вымостки (Черная Лужа, Желядь), для погребений на уровне горизонта они не характерны. Различные типы погребений могут встречаться на одних могильниках. Иногда погребения располагаются в насыпи (на второй прослойке), образуя погребения в два яруса (Няравай-Григишкес, Пильвины и др.). Урновые погребения не характерны, хотя известны находки сосудов в курганах.

В ранних восточнолитовских курганах появляются погребения лошадей рядом с умершими в одной яме (Таурапилис, Антесоре). Этот обряд проник в восточную Литву из Сувалкии.

Курганы Сувалкии в III—VI вв. в большинстве имели насыпь из камней и каменный венец у основания. Но во 2 половине III — начале IV вв. часть насыпей сооружалась из земли и обкладывалась камнями (Швайцария, кург. IX, 2, 43). Подобные курганы есть и в Литве (Эйтбулионис). Встречаются и второй венец в насыпи. Вторая характерная черта — биритуализм, хотя до середины IV в. обряд трупоположения преобладал. Погребения совершались в ямах, умершие ориентированы головами на север. Из погребений с трупосожжениями характерны ямные, безурновые. Погребения обоих типов часто прикрывались каменными вымостками и иногда находились в каменных ящиках. Большинство курганов имело 1—2 погребения. В середине — 3 четверти IV в. происходит изменение обрядности. Обряд трупосожжения становится единственным (ямные безурновые погребения, редко урновые). Около середины V в. появляются курганы с многочисленными урновыми погребениями, причем более ранние могильники прекращают функционировать.

Курганы II—V вв. центральной и северной Литвы насыпаны из песка, имеют каменный венец. Погребения по обряду трупоположения являются единственными. Количество погребений в кургане — до 10. Захоронения располагаются

в насыпи, в ее основании, редко в ямках. В IV в. курганный обряд начинает исчезать и лишь в отдельных могильниках продолжали хоронить в насыпях в V—VI вв. Обряд трупосожжения появляется лишь в конце VI в. и очевидно был привнесен из культуры восточнолитовских курганов.

Таким образом, обнаруживается сходство в погребальном обряде курганов ятвягов и восточнолитовских курганов уже в ранних курганах с трупоположениями IV—VI вв. (захоронения в ямах, наличие каменных конструкций, погребения лошадей в одной яме с умершими). Появление обряда трупосожжения в восточнолитовских курганах связано с влияниями ятвягов. Курганы с погребениями в 2 яруса также встречаются у западных балтов (prussov). Различия же видны в конструкциях насыпей кургана и ориентировке умершего при трупоположениях. По этим признакам восточнолитовские курганы близки к курганам II—V вв. северной и центральной Литвы.

4. Рассмотрение погребального инвентаря позволяет отметить ряд интересных особенностей. Так в составе инвентаря курганов IV—V вв. (бронзовые височные кольца, вещи с эмалями, манжетовидные браслеты), лишь височные кольца могут быть отнесены к местной культуре, в то время как вещи с эмалями и манжетовидные браслеты имеют прямые аналогии в западнобалтской культуре. Там же имеют аналоги и находки V—VI вв. (крестообразные подвески, некоторые типы фибул, шпоры, умбоны с вершиной в виде сплющенного полушария). Часть вещей (двуухлезвийный меч, пряжки с В-образной рифленной рамкой) могли проникнуть в Восточную Литву только через Северо-Восточную Польшу (т.е. через земли ятвягов).

5. Вопрос о происхождении и развитии культуры восточнолитовских курганов и литовской народности (Литвы) непосредственно связан с процессами развития и диалектного членения балтийских языков. Ареал культуры занимает восточную аукштайтскую область литовского языка — части территории южноаукштайтского (к востоку от Немана) и восточноаукштайтского наречий (по З. Зинкевичусу), или западно- и восточнодзукских говоров. Для дзукских говоров же характерны фонетические особенности, которые связывают их с ятвяжским языком. Здесь же располагается основная часть ятвяжских гидронимов в Литве (по А. Ванагасу). Можно говорить о включении этих топонимов в литовский язык не ранее IX—X в.

6. На территории Литвы для II—IV вв. выделяются

два антропологических типа (массивный долихокранный широколицый и грациальный мезокранный среднелицый), характерные для ятвягов и племен восточной Литвы. В V—VI вв. эти антропологические типы сохраняются, но доминирующую роль занимает в восточной Литве первый тип.

Таким образом, данные археологии, языкоznания и антропологии свидетельствуют, что западные балты (ятвяги) очевидно приняли участие в сложении культуры восточно-литовских курганов; как одного из компонентов. Ятвяжское влияние продолжалось и в V—VI вв. По-видимому, можно говорить о миграции в зону восточнолитовских курганов ятвяжского населения, что было связано с этнокультурными процессами великого переселения народов.

Г. Н. ПРОНИН

ДВА ТИПА ПОГРЕБЕНИЙ В ЗЕМЛЕ ЯТВЯГОВ

В 30-е годы нашего столетия К. Энгель предпринял попытку увязать различные группы древностей на территории Восточной Пруссии с отдельными прусскими территориями и племенами¹. Он разделил весь регион на «культурные круги», и один из них выделил в особую «восточномазурскую (судавскую) культуру». Она охватывала территорию к востоку от Мазурских озер до левобережья Немана, на юге и юго-западе — до среднего и нижнего течения р. Бебжа и ЛЭК (Элк), на севере и северо-западе — граничила с собственно прусскими племенными территориями (Галиндия и Надровия), северо-восточная ее граница и по сей день не ясна, на западе — захватывала побережье Мазурских озер. Древности указанной территории К. Энгель, также и как и последующие исследователи, трактовал вслед за Птоломеем Александрийским и средневековыми хронистами, как культуры судинов-ятвягов.

Построения К. Энгеля в дальнейшем подверглись серьезному критическому анализу. Одним из первых в послевоенные годы слабые стороны подобного, во многом искусственного, членения сформировал А. Каминский². В част-